

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ ЮЖНОГО ФРОНТИРА: ОСОБЕННОСТИ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ, ЗЕМЕЛЬНОЙ И СОСЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА¹

О. В. Скобелкин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 23 ноября 2012 г.

Аннотация: *статья посвящена анализу некоторых аспектов поместного землевладения южнорусских служилых людей во второй половине XVII века. Основу исследования составили архивные материалы по шести уездам юга России. Кроме того, рассматриваются основные составляющие правительственной политики в отношении служилого населения южных приграничных уездов, а также вопросы терминологии.*

Ключевые слова: *служилые люди, южнорусские уезды, землевладение, XVII век.*

Abstract: *the article provides analysis of some aspects of land ownership by southern Russia servicemen at the latter half of the 17th century. The research is mainly based on the archive materials concerning 6 counties at the southern Russia. The main components of the governmental policy toward servicemen at southern border counties as well as terminology issues are already treated.*

Key words: *servicemen, southern Russian counties, land ownership, 17th century.*

Жизнь населения южнорусских уездов в XVII столетии имела ряд особенностей, которые в значительной мере отличали ее от жизни обитателей ряда других регионов страны. Эта специфика определялась прежде всего пограничным положением указанных территорий, более того, с учетом интересов государства в районе южного фронта, нередко искусственно поддерживалась и консервировалась правительством.

В данной статье использован материал по шести южнорусским уездам, образовавшим в рассматриваемый период юго-восточный «угол» южного фронта: Воронежскому, Землянскому, Костенскому, Коротояжскому, Ольшанскому и Острогожскому. Основным источником стали «сказки» служилых людей – записи их показаний о службе, социальном происхождении, составе семьи и двора, землевладении [1, с. 18–19], относящиеся к 1675, 1684 и 1697 гг. [2, 3]. Однако, прежде чем приступить к анализу заявленных сюжетов, необходимо остановиться на некоторых вопросах терминологии.

Существует давняя традиция разделять всё служилое население России на две большие группы чинов – «служилых людей по отечеству» и «служилых людей по прибору». Эта традиция была заложена,

кажется, еще В. О. Ключевским в его курсе лекций «История сословий в России». Отметив «чрезвычайную дробность общественного деления», он писал, что в Московском государстве середины XVII в. «чины служилые разделялись на две группы: на чины служилые по отечеству и на чины служилые по прибору» [4, с. 353]. К служилым людям по отечеству он отнес чины думные (бояре, окольничие, думные дворяне), чины московские (стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы) и чины городовые (дворяне выборные (выбор), дети боярские дворовые, дети боярские городовые). К чинам же служилым по прибору относились «ратные служилые люди низших разрядов, каковы были стрельцы <...>, пушкари и затинщики, <...> вообще артиллерийская прислуга, пограничные казаки, рейтары, солдаты и драгуны...» [там же, с. 355]. Такое деление всего служилого населения России XVII в. (а отчасти и XVI в.) на «отечество» и «прибор» было воспринято исследователями последующих поколений и превратилось в стойкую историографическую традицию².

² Из необозримого числа примеров приведу лишь несколько, относящихся к разным периодам развития отечественной исторической науки: «С середины XVI в. войско состояло из служилых людей по «отечеству» и служилых людей по «прибору» [5, с. 75]. «Поместное войско составляли так называемые служилые люди по отечеству. <...> Стрельцы являлись служилыми людьми «по прибору» [6, с. 39–41]. «<...> система чинов применялась лишь к одной группе служилых людей – «служилым по отечеству» (по происхождению). <...> вторую группу служилых людей составляли «служилые люди по прибору» – стрельцы, казаки, пушкари, казаки, затинщики,

¹ Статья подготовлена по результатам научно-исследовательских работ, реализованных в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (проект «Русский фронт XVI–XIX вв.: Северо-Запад и Юг Российского государства (сравнительный аспект)», № государственного соглашения 14.В 37.21.0009.

© Скобелкин О. В., 2013

Из того, как В. О. Ключевский описывает структуру «общественного деления», следует, что разделение на «прибор» и «отечество» осознавалось и проводилось современниками явления. Точно так же структура служилого населения описывалась и другими исследователями: подразумевалось, что эти две группы служилых людей существовали в реальности.

Чтобы понять, как воспринимали и в каких терминах описывали структуру служилого населения современники, следует обратиться к документам эпохи, прежде всего к законодательным актам.

В законодательных актах второй половины XVI – начала XVII в. чаще всего встречаются два словосочетания, обозначающих всю массу служилых людей, которых исследователи называют «служилыми людьми по отечеству» – «дворяне и дети боярские» и «бояре, дворяне и дети боярские». В Соборном уложении 1649 г. содержится несколько вариантов перечисления категорий (на языке эпохи – «чинов») служилых людей. Самый подробный выглядит так: бояре, окольные, думные люди, стольники, стряпчие, дворяне московские, дьяки, жильцы, головы стрелецкие, дворяне (или в другом месте – городовые дворяне), дети боярские городовые, дворовые люди всех чинов, подьячие, казаки, пушкарники, затынщики, ямщики и «всякие служилые люди» (X, 124) [9, с. 42]. В этом списке не хватает стрельцов, поскольку речь о них идет в одной из следующих статей, но, исходя из других, более кратких, перечней служилых людей Соборного уложения, их «место» – перед казаками. Что же касается термина «всякие служилые люди», то в данном контексте, скорее всего, имеются в виду воротники, казенные плотники и кузнецы. Возможно, что сюда же можно отнести и драгун, которые упомянуты только в одной статье, вслед за стрельцами и казаками (XIX, 11) [там же, с. 100], а также каменщиков и кирпичников, упомянутых однажды после затынщиков и воротников (XVIII, 53) [там же, с. 97]. Упоминаются в Соборном уложении и солдаты, но один-единственный раз (XIX, 31) [там же, с. 102] и вне какого-либо перечня – законодатель явно еще не знал, на какую ступень «лестницы чинов» следует поместить эту, тогда еще новую, категорию служилого населения.

Российский законодатель XVII в. (как, впрочем, и предыдущего столетия) не оперировал обобщающими терминами, предпочитая перечисление. Правда, в Соборном уложении дважды встречается обобщающая категория «служилые люди меньших чинов» (X, 264, 266) [9, с. 62]. Учитывая, что в одной из статей воротники, позднее – драгуны, солдаты [7, с. 26]. «Служилые люди «по отечеству» составляли в Московском государстве XVII века многочисленную сословную группу, разделенную строго очерченными границами» [8, с. 3]. Автор этих строк в свое время тоже писал о служилых людях в тех же самых категориях.

той говорится «А казаков, и пушкарей, и затынщиков, и иных меньших чинов служилых <...> людей», в эту группу входили казаки, пушкарники, затынщики, воротники, казенные плотники и кузнецы, возможно – драгуны, каменщики и кирпичники. Во всех остальных случаях в Соборном уложении используется обобщающее выражение «всяких чинов служилые люди», под которым в каждом конкретном случае понимался тот или иной перечень чинов.

Если обратиться к сочинению Григория Котошихина [10] – человека, прекрасно знавшего реалии середины XVII в., мы также не найдем в нем ни «служилых по отечеству», ни «служилых по прибору». Не встречаются эти термины и в многочисленных документах приказного 10–20-х гг. и местного (Воронежского и соседних уездов) делопроизводства 60–80-х гг. XVII в., с которыми пришлось иметь дело автору этих строк.

Исходя из сказанного, представляется, что названия групп чинов «служилые люди по отечеству» и «служилые люди по прибору» являются не чем иным, как одним из исследовательских конструктов, но вряд ли это конструкт, с точки зрения современных знаний о XVII столетии, следует признать удачным.

Традиционное толкование этих терминов основывается на пути попадания служилого человека в ту или другую группу: служилые «по отечеству» попадали в свою страту по праву рождения, по происхождению, по «отечеству»; служилые «по прибору» набирались («прибирались») в свою страту государством. Однако в южнорусских уездах, по меньшей мере с начала строительства Белгородской черты, ничего подобного не было. В дети боярские «прибирались» представители других социальных групп, а казачья, стрелецкая и иная служба передавалась по наследству. При этом, судя, например, по наказу 1675 г. разборщикам, направленным в ряд центральных уездов, практика верстания в дети боярские выходцев из неслужилых сословий имела место не только на юге страны [11, с. 1206]; что же касается стрельцов (которых традиционно принято относить к «прибору»), то Г. Котошихин замечает, что «бывают в стрелцах вечно, и по ним дети, и внучата, и племянники, стрелецкие ж дети, бывают вечно ж» [10, с. 114]. Замечу, что наследование службы было характерно и для других «меньших чинов», но это, впрочем, не исключало притока в их среду и за счет sporadических зачислений выходцев из других категорий населения.

Таким образом, если и говорить о двух основных группах служилого населения России XVII в., то «водораздел» между ними проходил отнюдь не по линии комплектования.

На мой взгляд, главным различием между ними был характер жалованья и связанные с ним статус

земельных владений и характер землевладения. Те, кого принято называть «служилыми по отечеству», верстались поместными и денежными окладами, владели вотчинной и/или поместной землей, на которой могли жить крестьяне и бобыли, т.е. они были помещиками или вотчинниками³. Те же, кого обычно относят к «служилым по прибору», получали натуральное и/или денежное жалованье или владели земельными участками (это было особенно характерно для юга страны), которые имели совершенно иной статус, нежели поместья или вотчины, и этот статус не предусматривал дворовладения. В своих «сказках» служилые люди этой группы (в исследуемом регионе) называли свою землю «пашенной землей».

Конечно, для исследователя (дабы не уподобляться законодателю той эпохи, который, как уже говорилось, не оперировал обобщающей терминологией, а предпочитал перечисление чинов) крайне желательно иметь под рукой какое-то обобщающее понятие. Говоря о служилом землевладении южных приграничных уездов, пожалуй, вполне уместно использовать термины «помещики» и «владельцы пашенной земли».

Начало формирования южного фронта можно отнести ко второй половине 80-х гг. XVI в., когда вслед за основанием в 1585 г. двух первых городов на «Поле» – Воронежа и Ливен – на полевой окраине основывались новые города, вокруг которых возникали села и деревни и формировались уезды [13, 14]. Параллельно с хозяйственными задачами, а часто и опережая их, в деле заселения и освоения юга России шли задачи военные.

Необходимость обороны рубежей страны от частых набегов крымцев, сама тревожная обстановка пограничья привели к тому, что первым населением южнорусских городов и формировавшихся вокруг них уездов стали служилые люди, получавшие в качестве жалованья земельные участки. Постепенно из их среды стал формироваться слой мелких помещиков и реже – вотчинников, на землях которых трудились вывезенные или бежавшие из более северных уездов крестьяне.

³ Немногочисленные современные исследователи, касающиеся этой темы, по-видимому, начинают ощущать, что не «отечество», а характер землевладения определял принадлежность служилых людей к той или другой группе чинов. Так, М. Ю. Зенченко, приведя данные о владении в 10–20-х гг. XVII в. атаманами и казаками Воронежского уезда поместными землями и о наличии на этих землях бобылей и крестьян, приходит к выводу, что в уезде «корпорация «служилых по отечеству» включала в себя не только детей боярских, но и атаманов и даже казаков» [12, с. 183]. Но дело не в том, что казаки и атаманы – согласно традиции, безусловно, «служилые по прибору» – попали в состав «отечества», а в том, что они стали помещиками, тем самым резко изменив свой социальный статус. (По-видимому, это их потомки впоследствии будут называть себя поместными казаками и поместными атаманами.)

Позже на плодородные черноземы начало проникать и крупное феодальное землевладение. Используя свою экономическую мощь и связи в политических кругах, «сильные люди», люди высоких чинов, могли различными путями увеличивать свои владения за счет земельных владений рядовых служилых людей (такое уже бывало в центральных уездах). А это, в свою очередь, неизбежно должно было привести к уменьшению площади земель, находящихся в их владении, и, следовательно, к невозможности служить с этих уменьшившихся поместий и вотчин.

Всё это входило в противоречие с тем режимом фронта, который формировался в южнорусских приграничных уездах, и правительство, полагая его сохранение первоочередной задачей, начинает проводить целенаправленную политику, направленную на консервацию этого режима.

Правительственная политика имела две основные составляющие: 1) увеличение числа служилых людей – мелких землевладельцев и 2) недопущение появления в районе фронта земельных владений служилых людей думных и московских чинов.

Для решения первой задачи правительство в ходе строительства Белгородской черты в 30–50-х гг. XVII в. и формирования Белгородского разрядного полка осуществляло переводы части местного крестьянского населения в службу (нередко это явление не вполне корректно называют милитаризацией крестьянского населения) и, кроме того, открыло (или же закрыло) глаза на индивидуальный доступ в служилые люди крестьянам, бобылям, а порой и гулящим людям, допуская даже проникновение в службу беглых. Кроме того, производились переводы казаков и их родственников (а также представителей других категорий владельцев пашенной земли) как в дети боярские, так и в служилые люди полков нового строя⁴. Именно с этого времени служилый элемент, прежде всего мелкие помещики, становится преобладающим в структуре населения ряда южнорусских уездов.

Как уже говорилось, в зависимости от характера землевладения, всё служилое население делилось на

⁴ Т. А. Лаптева полагает, что существовал специальный указ «161-го года» (1652/53 г.), по которому «в новых городах Белгородской черты» в дети боярские верстались казаки и «вольные люди», жившие на границах государства [15, с. 83; 16, с. 484–485]. Однако приведенные доказательства не представляются основательными, поскольку в источниках, к которым отсылает читателя автор, нет внятных указаний на существование такого указа ни в масштабах всей страны, ни применительно к какой-либо группе южнорусских уездов. Естественно, это не исключает того, что в каждом конкретном случае верстания в дети боярские тот или иной воевода действовал (и должен был действовать) по «государеву указу»; пример о верстании в Коротояке в «161-м году», приведенный автором, как раз и свидетельствует об этом, но только об этом.

две группы. К владельцам пашенной земли в исследуемом регионе относились: стрельцы, полковые казаки, беломестные казаки, пушкари, затинщики и воротники⁵. Что касается владельцев поместной земли, то традиционно к южнорусским помещикам было принято относить лишь детей боярских, среди которых абсолютное большинство составляли дети боярские городовые – представители низшего чина в «лестнице чинов». Однако анализ «сказок» служилых людей позволяет значительно расширить группу помещиков южного фронта. Помимо детей боярских, служивших городовую и полковую (так называемую «сотенную») службу (последние нередко называли себя «сотенными»), во второй половине XVII в. в шести рассматриваемых уездах поместными землями также владели: завоеводчики, есаулы, поместные атаманы, поместные казаки, боровские атаманы и усманские атаманы (последние две категории исследователи иногда называют слободскими атаманами), беломестные атаманы (все вышеперечисленные категории были только в Воронежском уезде), станичники, а также служилые люди полков нового строя – копейщики, рейтары, солдаты и драгуны (часть которых называла себя детьми боярскими драгунской службы) [22].

Часть представителей каждой из этих категорий проходила процедуру верстания поместным и денежным окладами.

Поместный оклад был фиктивным числом, которое определяло тот максимум земли, которым в принципе мог владеть служилый человек на данном этапе службы. Реально же он получал «дачу», размеры которой были, как правило, много меньше размеров оклада. За различные заслуги служилый человек мог получить «придачу». В этом случае площадь его поместных земель увеличивалась, но всегда в пределах оклада. То же касается и денежного оклада; за тем лишь исключением, что если землей южнорусские служилые люди все-таки владели, то деньги в рассматриваемый период им практически никогда не выплачивались. При этом оклад был статусным показателем: повышение оклада было одним из видов поощрения служилых людей, а любые списки служилых людей составлялись по мере убывания окладов, т.е. люди с наиболее высокими окладами оказывались в начале списка, а с наименьшими – в конце.

Однако к моменту проведения разбора 1675 г. большая часть помещиков владела своими землями, будучи неверстанными поместными и денежными окладами. Вот как, по моим подсчетам, это выглядело в каждом из уездов: в Воронежском уезде из всей массы владельцев поместных земель были не верстаны 69 %, в Коротоякском уезде – 74 %, в Ольшан-

ском – 75 %, в Землянском – 84 %, в Костенском – 96 %. (По Острогжскому уезду «сказок» за 1675 г. разыскать пока не удалось.)

Приведенные данные показывают, что, по крайней мере, в изучаемом районе южного фронта к середине 70-х гг. XVII в. была утрачена связь между процедурой верстания поместным окладом и исполнением. Восстановить эту связь и был призван разбор 1675 г. Однако спустя два десятилетия, в 1697 г., служилые люди в своих «сказках» даже не упоминали о своих поместных и денежных окладах, ведя речь лишь о фактических земельных владениях. Поскольку «сказки» составлялись в виде ответов на некий стандартный вопросник, это означает, что если в 1675 г. Разряд считал необходимым выявить неверстаных помещиков и, по старинке, поверстать их окладами, то в 1697 г. наличие или отсутствие окладов у служилых людей уже не интересовало государство. Оно, по-видимому, отказалось от проведения верстания, а возможно, и от системы окладов. (Впрочем, этот вопрос заслуживает дальнейшего изучения.) Отказ от верстания служилых людей окладами означал также, что землевладение южнорусских помещиков явно стало сближаться с таковым владельцев пашенной земли.

Следует отметить и еще одно сходство землевладения этих двух групп землевладельцев. Судя по «сказкам», неверстаные помещики одного населенного пункта получали в дачу, как правило, равные участки земли, точно так же, как это было принято у «приборных» служилых людей (правда, последние изначально получали землю не лично, а сразу на весь контингент той или иной службы всего города).

Подавляющее большинство помещиков владели небольшими по размерам участками земли. Факт этот был хорошо известен уже современникам: Г. Котошихин неоднократно отмечал существование в южнорусских уездах малопоместных детей боярских, за счет которых формировались солдатские и рейтарские полки [10, с. 48, 131, 155].

Само понятие «малопоместный» применительно к различным районам страны имело неодинаковое содержание. Соборное уложение 1649 г. (XVI, 22) в качестве «небольших» называет поместья от 40 до 100 четвертей включительно [9, с. 76]. Однако на юге России поместьями в 100 четвертей владели очень немногие. Что касается более крупных владений, то они были лишь у помещиков Воронежского уезда. Судя по «сказкам» 1675 г., наиболее крупным землевладельцем был завоеводчик сын боярский дворовый С. А. Титов, имевший 340 четвертей поместной земли. Только 11 воронежцев (завоеводчик дворянин М. И. Кулешов, 5 человек дворян и детей боярских, служивших есаулами, 3 копейщика и 2 сына боярских городской службы) имели поместья от 100 до 200

⁵ Из всех этих категорий специально изучались пока лишь стрельцы – В. Н. Глазьевым [17–21].

четвертей [23]. В других изучаемых уездах землевладельцев такого масштаба просто не было. Абсолютное большинство помещиков владели участками помещичьей земли до 50 четвертей в одном поле. Такие служилые люди в 1675 г. составляли 85 % всех помещиков, а в 1697 г. – 93 % (подсчет по 1697 г. сделан на основании таблицы, составленной В. М. Важинским [24, с. 122–132]).

Порой исследователи, говоря о служилом населении юга России, используют термин «мелкие служилые люди». Этот термин также представляется не вполне удачным. С одной стороны, он не совпадает с уже упомянутым термином Соборного уложения «служилые люди меньших чинов», поскольку обычно имеются в виду не столько стрельцы, казаки и пушкари, сколько дети боярские городовые. С другой стороны, южнорусские «мелкие служилые люди» обычно противопоставляются служилым людям центральных уездов не по месту в иерархии чинов, а по размерам землевладения. Следовательно, говоря о специфике южных приграничных уездов, правильнее было бы употреблять понятие «мелкие землевладельцы», а не «мелкие служилые люди».

Как уже говорилось, часть небольших поместий южнорусских служилых людей могла оказаться поглощенными крупными (и влиятельными) земельными собственниками, проникавшими сюда из центральных уездов. И здесь в действие вступала вторая составляющая государственной политики в районе южного фронта – был запрещен доступ крупному землевладению на территорию южнорусских уездов. С 1637 г. стала проводиться так называемая политика «заказных городов», в соответствии с которой определялись запретные для крупных феодалов районы [24, с. 79; 25, с. 22–23]. Система заказных городов продолжала существовать на юге России и во второй половине XVII в.

В 70–80-е гг. она неоднократно изменялась: в список уездов, запретных для думных и московских чинов то попадали новые города, то, наоборот, их перечень сокращался до минимума. Зигзаги государственной политики определялись тем, что правительству приходилось испытывать весьма ощутимое давление с двух противоположных сторон: с одной стороны, военно-политические интересы требовали сдерживать продвижение крупного землевладения в район фронта, с другой – наиболее мощная в экономическом и политическом плане часть российского феодализма стремилась попасть на плодородные земли вчерашнего «Поля». Тем не менее, несмотря на некоторую порой непоследовательность государства, до 90-х гг. XVII в. уезды по Белгородской черте и вокруг нее не были сколько-нибудь заметно затронуты землевладением служилых людей московских и думных чинов [25, с. 31]. Таким образом, уезды

южного фронта оставались в рассматриваемый период своеобразным «заповедником» мелкого служилого землевладения, статус которого искусственно поддерживался государством.

Служилые люди, имевшие помещичьи земли, могли владеть крестьянскими и бобыльскими дворами. Однако из всей массы помещиков изучаемой территории лишь немногие реализовывали это право на практике. Абсолютное большинство владельцев помещичьих земель не имели крестьян и бобылей. По моим подсчетам, в 1675 г. в Воронежском уезде такие землевладельцы составляли 80 % всех помещиков, в остальных уездах практически все помещики не имели крепостных. Аналогичную картину дают «сказки» 1697 г.: дворовладельцы встречаются среди помещиков лишь Воронежского уезда. (Исключение составляет небольшой комплекс «сказок» 1684 г., где среди детей боярских городов службы Костенского уезда называется житель с. Яблочного С. М. Тербунских, владевший одним бобыльским двором [26].)

Здесь, как и в случае со служилыми людьми «по отечеству» и «по прибору», уместно коснуться вопроса терминологии. Существует давняя и весьма солидная историографическая традиция, восходящая, как минимум, также к В. О. Ключевскому⁶, называть таких помещиков «одnodворцами». Однако ни в законодательных актах XVII в., ни в известных мне документах делопроизводства, ни в сочинении Г. Котошихина термина «одnodворцы» нет. В исследовательских работах, авторы которых применяют его для обозначения помещиков, не имевших крестьян (а иногда и владельцев пашенных земель, которые крестьянскими дворами не могли владеть в принципе)⁷, не приводятся ни цитаты, ни даже ссылки на документы, подтверждающие бытование этого слова в XVII в. При этом все исследователи, естественно, признают, что собственно социальная группа, получившая это название, возникает лишь под пером законодателя эпохи Петра Великого и представляет собой один из разрядов только что созданного сословия государственных крестьян. Конечно, то, что именно владельцы «пустых» поместий, а также какая-

⁶ Правда, сам термин «одnodворцы» применительно к периоду до XVIII в. историк не употреблял; он писал, что в южнорусских уездах в конце XVI – начале XVII в. служилые люди жили «одnodворкою» (причем взял это слово в кавычки), «т.е. имели только свои собственные дворы, не имея крестьянских дворов» [4, с. 398].

⁷ Тема «одnodворцев» на юге России в XVII в., как и тема южнорусского служилого землевладения вообще, уже довольно давно не привлекает специального внимания исследователей. Последнее же из известных мне упоминаний о южнорусских «одnodворцах» относится скорее к категории курьезов: «указ 158 (1649/1650) г. об испомещении казаков и одnodворцев, служивших в солдатских полках» [16, с. 484]. Кого в данном случае имел в виду автор под «одnodворцами», остается только гадать.

то часть потомков владельцев пашенной земли и стали южнорусскими однодворцами в первой четверти XVIII в., объясняет желание исследователей перенести этот термин из более поздней эпохи в эпоху более раннюю. Однако такой перенос представляется нежелательным, поскольку приводит к определенной путанице: ведь вряд ли кто-то из историков согласился бы с тем, чтобы, скажем, стрельцов или солдат XVII в. называть гренадерами.

В то же время в XVII в. существовало специальное слово для обозначения помещиков без крестьян – пустопоместные⁸, а сами поместья (и вотчины) без крестьян назывались пустыми [9, с. 74; 10, с. 47]. В исследовательской литературе эта терминология используется уже более полутора столетий (как минимум, со времен С. М. Соловьева), однако в последней трети XX в. отечественные историки предпочитали, по большей части, называть пустопоместных детей боярских однодворцами (причем даже без кавычек). На мой взгляд, есть смысл отказаться от этой сомнительной традиции в пользу использования терминологии эпохи – это и корректнее, и не приводит к путанице смыслов.

Чем можно объяснить преобладание пустопоместных служилых людей среди владельцев поместной земли изучаемых уездов во второй половине XVII в.? Ответ на этот вопрос следует искать в социальных процессах, вызванных к жизни спецификой южного фронта, и прежде всего строительством Белгородской черты. Потребности обороны южных рубежей привели к тому, что эти районы на несколько десятилетий стали местом активной социальной мобильности населения: оседавшие здесь многочисленные крестьяне – беглецы из центральных уездов – в период строительства Белгородской черты довольно быстро и легко превращались в служилых людей, причем не только во владельцев пашенной земли, но и в помещиков. Этот процесс дополнялся переводом в служилые люди уже существовавшего в южнорусских уездах крестьянского населения. Несколько позднее, при формировании на Белгородской черте полков нового строя, на службу были записаны родственники служилых людей, в том числе стрельцов, полковых казаков и прочих «меньших чинов», получивших в качестве жалованья поместную землю. При обширном фонде свободных земель произвести южнорусских служилых людей в помещики было нетрудно, однако в условиях малочисленности крестьянского населения основная масса новых помещиков так и не стала дворовладельцами. Вот почему, например, за 534 воронежскими солдатами в 1675 г. числилось всего 44 крестьянских и бобыльских двора [28].

⁸ Например: «А которые дворяня и дети боярские новгородцы будут на государеве службе в Новгороде пустопоместные...» [27, с. 71].

Возникла любопытная ситуация, на которую впервые обратил внимание, кажется, В. М. Важинский [24, с. 25–27]. Формально южнорусские владельцы поместных земель входили в состав русского феодализма, ничем не отличаясь от своих собратьев из более северных уездов. Об этом свидетельствовали и процедура верстания, и реализуемая порой возможность увеличения своих земельных дач в пределах оклада, и право владения крестьянами и бобылями. Но фактически абсолютное большинство южнорусских помещиков, не будучи дворовладельцами, не получая феодальной ренты, а, наоборот, выступая в роли непосредственных производителей, не являлись и феодальными собственниками земли. Иными словами, мелкие поместные землевладельцы южного фронта, будучи феодалами формально, таковыми на деле не были. Это противоречие неминуемо должно было довольно быстро разрешиться путем сближения формального положения мелких землевладельцев с их реальным состоянием. Однако государство, вмешиваясь в естественный ход вещей, тормозило этот процесс. Несмотря на то, что образ экономической деятельности южнорусских помещиков мало чем отличался от такового владельцев пашенной земли, а обе эти категории по своему реальному экономическому положению были весьма близки черносошному крестьянству, правительство в правовом плане, разумеется, никогда не путало служилых с «мужиками». И южнорусские помещики, и южнорусские владельцы пашенной земли принадлежали к сословиям, которые стояли выше крестьян на социальной лестнице. Даже уплачиваемые ими основные прямые налоги показывали их принадлежность к разным сословиям: крестьяне платили стрельцкий хлеб (или стрельцкие деньги), отправлявшийся в Москву, а служилое население – четвериковый хлеб, собиравшийся для донских отпусков [29].

В то же время государство в течение нескольких десятилетий проводило в районе южного фронта политику размывости сословных границ между служилыми людьми и тяглым населением. Потребность набора большого количества ратных людей и необходимость в дальнейшем поддерживать их на определенном численном уровне заставили государство до поры до времени сохранять возможность перехода крестьян, стрельцов и казаков в дети боярские и служилые люди полков нового строя. Судя по «сказкам» 1675 г., при формировании полков нового строя перевод служилых людей старых категорий, а также их детей и ближайших родственников в новые службы был обычным явлением. Солдатские полки, например, рекрутировались во многом за счет атаманов и казаков, реже – стрельцов и пушкарей. Небольшая часть служилых (в основном, дети боярские городской службы) была набрана из бобылей и даже гуля-

щих людей [30]. Представляется, однако, что эта группа была больше, нежели явствует из документов. Весьма вероятно, что какая-то часть бывших крестьян и бобылей, подавая «сказки», при попустительстве или неведении окладчиков скрыли свое настоящее происхождение.

Разумеется, подобный «либерализм» не мог быть вечным. Как только ситуация с формированием Белгородского полка стабилизировалась и проблема защиты южного фронта стала представляться решенной, правительство захлопнуло двери в сословных перегородках.

В исследовательской литературе запрет верстать в службу «служилых людей по прибору, крестьян, холопов, посадских людей» принято относить к 1675 г. [5, с. 156–157; 31, с. 61], связывая это с проведением разбора служилых людей в уездах. Действительно, в наказе стольнику кн. С. А. Хованскому и подьячему М. Дмитриеву, направленным в 1675 г. для проведения разбора во Владимире, Суздале, Юрьеве-Польском, Лухе, Муроме, Нижнем Новгороде, Гороховце и Арзамасе, в частности, говорилось, чтобы окладчики «холопей боярских и стрелецких, и козачьих, и несслужилых никаких чинов, и пашенных мужиков отнюдь никого детьми боярскими не называли», и содержалось прямое запрещение в отношении этих категорий: «поместными и денежными окладами не верстать» [11, № 615, с. 1026]. (Следует, правда, заметить, что в этом наказе ничего не говорится о «служилых людях по прибору»; речь идет лишь об их холопах.) Учитывая особенности приказного делопроизводства той эпохи, можно с большой долей уверенности полагать, что аналогичный наказ получили и разборщики служилых людей в южнорусских уездах. В принципе, запреты верстать в дети боярские детей несслужилых отцов бывали и раньше: в наказе о верстании в Москве осенью 1652 г. новиков детей боярских «всех городов», новокрещенов и татар прямо говорилось, «чтоб однолично несслужилых отцов детей поместья, денежными окладами никого не верстать» [11, № 86, с. 274]. Однако, по-видимому, только в 1675 г. был сформулирован прямой запрет о зачислении холопов, а также крестьян и бобылей («пашенных мужиков») в помещики. В этом плане 1675 г. может считаться рубежным и для региона южного фронта.

Следует заметить, однако, что запрещение принимать на службу беглых крестьян и холопов всё-таки нарушалось. Судить об этом позволяет указ от 8 февраля 1683 г., согласно которому на территории уездов, входивших в Белгородский и Севский полки, беглых, записавшихся в службу после разбора 1675 г., следовало возвращать на прежние места; тех же, кто был зафиксирован в службе во время разбора (независимо от сроков приема на службу), в прежнее состояние

уже не возвращали [32, с. 136]. Таким образом, в течение 8 лет после 1675 г. прием на службу беглых крестьян и холопов имел место.

Впрочем, служилым людям южного фронта предстояло пребывать в этом качестве уже не долго. Менее чем через полтора десятилетия петровское кораблестроение и последовавшие за ним события коренным образом изменят ситуацию в регионе – изучаемые уезды перестанут быть приграничными, а еще некоторое время спустя значительной части южнорусских помещиков и большинству владельцев пашенной земли будет суждено кардинально изменить свой статус, превратившись в государственных крестьян – однодворцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скобелкин О. В. «Сказки» служилых людей XVII в. как источник по изучению проблем исторической географии и исторической демографии Центрального Черноземья / О. В. Скобелкин // *Историография и источники по исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья*. – Курск, 1989.
2. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Д. 734. Л. 17–651; Д. 760. Л. 11–646; Д. 801. Л. 1–503; Д. 906. Л. 5–491; Д. 1469. Л. 1–1312; Д. 1488. Л. 1–524; Д. 1494. Л. 1–219; Д. 1495. Л. 1–151; Д. 1563. Л. 1–483; Д. 1566. Л. 1–513; Д. 1567. Л. 1–154; Д. 1611. Л. 1–470; Д. 1015. Л. 1–392; Д. 1619. Л. 1–358; Д. 1631. Л. 1–252; Оп. 16. Д. 71. Л. 4–294; Д. 72. Л. 1–81; Д. 73. Л. 1–353; Д. 74. Л. 361–405; Д. 75. Л. 1–198.
3. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-182. Оп. 2. Д. 187, 189, 192–200, 205–210, 242–248.
4. Ключевский В. О. История сословий в России / В. О. Ключевский // Соч. : в 8 т. – М., 1959. – Т. 6.
5. Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. : с образования централизованного государства до реформ при Петре I / А. В. Чернов. – М., 1954.
6. Калинычев Ф. И. Правовые вопросы военной организации Русского государства второй половины XVII века / Ф. И. Калинычев. – М., 1954.
7. Загоровский В. П. Белгородская черта / В. П. Загоровский. – Воронеж, 1969.
8. Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века : (от Смуты до Соборного уложения) / В. Н. Козляков. – Ярославль, 2000.
9. Соборное уложение 1649 года : Текст. Комментарии. – Л., 1987.
10. Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича / Г. К. Котошихин. – М., 2000.
11. Полное собрание законов Российской империи : собрание первое. – СПб., 1830. – Т. I, № 615.
12. Зенченко М. Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. : (опыт государственного строительства) / М. Ю. Зенченко. – М., 2008.

13. Загоровский В. П. Общий очерк заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма (XVI век – начало XVIII века) / В. П. Загоровский // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. – Воронеж, 1987. – С. 3–23.
14. Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке / В. П. Загоровский. – Воронеж, 1991.
15. Лаптева Т. А. К вопросу о расширении социальной базы дворянского сословия в XVII веке : (поверстанье в дети боярские представителей других сословий) / Т. А. Лаптева // Отечественная история. – 2003. – № 5.
16. Лаптева Т. А. Провинциальное дворянство России в XVII веке / Т. А. Лаптева. – М., 2010.
17. Глазьев В. Н. Опора царской власти : стрельцы и их начальники в XVI в. / В. Н. Глазьев // Российская монархия : вопросы истории и теории. – 1998. – С. 88–97.
18. Глазьев В. Н. Воронежские стрельцы и их роль в экономическом развитии края в XVII веке / В. Н. Глазьев // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. – Воронеж, 1987. – С. 23–33.
19. Глазьев В. Н. Размещение стрельцов в городах Черноземного края в XVII в. / В. Н. Глазьев // Историческая география Черноземного центра России : (дооктябрьский период). – Воронеж, 1989. – С. 42–50.
20. Глазьев В. Н. Южнорусские стрельцы в городских восстаниях середины XVII века / В. Н. Глазьев // Общественное движение в Черноземном центре России в XVII – начале XX века. – Воронеж, 1990. – С. 132–144.
21. Глазьев В. Н. «Сказки» воронежских стрельцов 1697 г. как исторический источник / В. Н. Глазьев // «Морским судам быть!..». – Воронеж, 1996. – С. 92–100.
22. Скобелкин О. В. Структура служилого населения Воронежа и Воронежского уезда в XVI веке / О. В. Скобелкин // Из истории Воронежского края. – Воронеж, 2011. – Вып. 18. – С. 75–81.
23. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 760. Л. 11–18, 21, 22, 24–26, 67, 70, 72 ; Д. 809. Л. 2, 6.
24. Важинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке : по материалам южных уездов России / В. М. Важинский. – Воронеж, 1974.
25. Новосельский А. А. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. / А. А. Новосельский // Ист. зап. – 1938. – № 4.
26. ГАВО. Ф. И-182. Оп. 2. Д. 167. Л. 25.
27. Разрядная книга 7125 года // Временник Императорского московского общества истории и древностей российских. – 1849. – Кн. 3. – Отд. II. Материалы.
28. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 88. Л. 223–223 об.
29. Скобелкин О. В. Формы эксплуатации служилых людей Воронежского края феодальным государством во второй половине XVII века / О. В. Скобелкин // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. – Воронеж, 1987. – С. 46–56.
30. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 734. Л. 220, 230 ; Д. 760. Л. 140 ; Д. 809. Л. 137, 291, 301, 305, 311, 325 ; Д. 906. Л. 390, 420, 430, 450 ; Оп. 16. Д. 72. Л. 4, 7–10, 19, 20, 23, 29 и др.
31. Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века / В. И. Буганов. – М., 1969.
32. Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века / А. Г. Маньков. – М. ; Л., 1962.

Воронежский государственный университет

Скобелкин О. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России

E-mail: ovs@box.vsi.ru

Тел.: 8-473-224-75-14

Voronezh State University

Skobelkin O. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Russian History Department

E-mail: ovs@box.vsi.ru